

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
НАУЧНЫЙ СОВЕТ РАН ПО КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ,
СРАВНИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКОВ И ЛИТЕРАТУР

ISSN 2306-9015

ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ XXIX (1)

**INDO-EUROPEAN LINGUISTICS
AND CLASSICAL PHILOLOGY XXIX (1)**

УДК 80/81
ББК 81.2
И 60

Индоевропейское языкознание и классическая филология XXIX (1) / Гл. редактор Н. Н. Казанский. СПб.: ИЛИ РАН, 2025. — 1142 с.
(= Индоевропейское языкознание и классическая филология, 29 (1), 2025).

Indo-European Linguistics and Classical Philology XXIX (1) / Edited by Nikolai N. Kazansky. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, RAS, 2025. — 1142 p.
(= Indo-European linguistics and classical philology, vol. 29 (1), 2025).

ISSN 2306-9015 Indoevropskoe âzykoznanie i klassičeskâ filologiâ
ISSN 2658-6452 (электронная версия)

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

академик РАН Н. Н. Казанский (отв. редактор);
д. филол. н. А. А. Алексеев (СПбГУ), Prof. Dr. V. Blažek (Brno),
д. филол. н. Н. А. Бондарко (ИЛИ РАН),
д. истор. н. Н. В. Брагинская (РГГУ),
д. филол. н. А. Ю. Братухин (Пермь, ПГНИУ),
д. филол. н. А. Л. Верлинский (ИЛИ РАН),
к. филол. н. Г. М. Воробьев (Гент)
д. филол. н., член-корр. РАН Н. П. Гринцер (ИМЛИ РАН),
к. филол. н. П. А. Кочаров (Вюрцбург),
к. филол. н. Е. Р. Крючкова (ИЛИ РАН, отв. секретарь),
Prof. HDR D. Petit (Paris), д. истор. н. А. В. Подосинов (МГУ/ИВИ РАН),
д. филол. н. А. Н. Соболев (ИЛИ РАН), Prof. Dr. Dr. V. Sadovski (Wien),
д. филол. н. А. И. Солопов (МГУ), д. филол. н. А. И. Фалилеев (ИЛИ РАН),
к. филол. н. А. В. Шацков (Вюрцбург)

Журнал учрежден и издается
Институтом лингвистических исследований РАН

ISSN 2306-9015 © Коллектив авторов, 2025
ISSN 2658-6452 (электронная версия) © ИЛИ РАН, 2025
DOI: 10.30842/ielcp23069015
DOI: 10.30842/ielcp2306901529

ОГЛАВЛЕНИЕ

АБУЗИНА С. С. Aries informat primi cunabula mensis, анонимная поэма о знаках зодиака: комментарий, публикация и перевод.....	9
АЛЕКСАНДРОВ Б. Е. Рескрипт царя Ини-Тешшуба <i>Emar</i> 18: исторический контекст и правовое содержание.....	24
АЛЕКСЕЕВА А. А. Есть ли infinitiuis imperatiuis в трактате Цельса «О медицине»?.....	51
АНАШКИН А. В. Особенности народных верований в Поздней Византии в зеркале канонических ответов Иоасафа Эфесского.....	60
АНТОНЕЦ Е. В. Письмо Сикко Полентона к Никколо Никколи: две редакции текста и Петербургская рукопись Lat. F.XVIII.12 (РНБ)... ..	79
АПЕНКО М. С. Аристоник и Мемфисский декрет 182 г. до н. э.: к вопросу о лояльности жречества Птолемею V.....	109
АРСЕНЬЕВ М. Н. Караимская средневековая книга: фрагменты Торы X века из Второго собрания А. С. Фирковича (Араб.-евр. 211+). ..	122
БАЛАХОВСКАЯ А. С. Коллективная биография в античной литературе и «Лавсаик» Палладия Еленопольского.....	145
БЕЛИКОВ А. Е. Материалы для сравнительного исследования словарного запаса Силия Италика (пересечение со Стацием и поэзией I века н. э.).....	157
БЕХТЕР А. П. Папирус и камень: элементы папирусной скорописи в боспорской эпиграфике.....	166
БИТНЕР К. А. Кумранская версия текста одного библейского отрывка (Ис 42:1–9).....	180
БОГДАНОВ И. В. Синтаксическая роль презентативной частицы <i>mk/mt/mtn</i> в Истории крестьянина.....	196
БОНДАРКО Н. А. Семантические особенности дериватов с приставками <i>în-</i> и <i>ûz-</i> в средневерхненемецких текстах Мейстера Экхарта (на материале проповеди S101).....	223
БРАГИНСКАЯ Н. В., ШМАИНА-ВЕЛИКАНОВА А. И. Две аллюзии в одном стихе: <i>Passio Perpetuae et Felicitatis</i> : XII, 3.....	249
БРАТУХИН А. Ю., ДУДКО П. А. Климент Александрийский о возможности причастия сущности.....	266
БРАТУХИНА Л. В. Образ Цирцеи в поэме Э. Паунда «The cantos» (<i>canto</i> CVI).....	283
БУЗУРНЮК Е. Н. «Другие женщины из деревни»: выход хора и организация драматического действия в «Женщинах в народном собрании» Аристофана.....	294
ВАСИЛЬЕВ А. В. <i>Decem legati</i> в римской дипломатии в Восточном Средиземноморье в начале II в. до н. э.....	305
ВАСИЛЬЕВА И. Э., КИСИЛИЕР М. Л. «Песнь о войне русских с французами» или о другом «греческом проекте».....	317
ВЕДЕШКИН М. А. « <i>Expositio totius mundi et gentium</i> » как источник по религиозной топографии Римской Империи середины IV в.....	371

БЕРЛИНСКИЙ А. Л. Thucydides on the change in the relation between names and things (3.82–83).....	399
ВИНОГРАДОВ А. Ю. Два среднегреческих гапакса из рукописей «Лествицы»: δοῦκάω и μετανοκτικόν.....	425
ВОЛОШИНА О. А. Метаязык описания синтеза глагольной словоформы в грамматике Панини.....	431
ВЫДРИН А. П. Простые глаголы ягнобского языка.....	440
ГАВРИЧЕНКОВ А. Н. О первоначальной семантике древних именных основ со значением ‘самец’, ‘мужчина’, производных от индоевропейских корней * <i>u</i> ers-, * <i>ers</i> -.....	455
ГВОЗДЕЦКАЯ Н. Ю. Рецепция и адаптация христианского апокрифа в древнеанглийской поэме «Андрей».....	466
ГИМАДЕЕВ И. Р. Миф о Фалерне Силия Италика в свете истории фалернского вина.....	483
ГОЛИКОВА М. С. Выражение <i>servire temporibus</i> в текстах древнеримских авторов.....	505
ГУСЬКОВ Е. А. Преторианские префекты и римский нобилитет в ранней Империи.....	525
ДВЯНИТИН Ф. Н. От микенского <i>ku-wa-no</i> , греческого κῆρυξ к имени Ціана: вещества, цвета и героини.....	538
ДЕСНИЦКАЯ Е. А. «Два облика» Брахмана в «Брихадараньяка-упанишаде» 2.3.....	550
ДЖАКСОН Т. Н. «Холодная Свитьод» и ее место в пределах ойкумены по «Саге о Нитиде» и «Саге об Инглингах».....	562
ДЖУНКОВА К. В. В поисках общеславянского языка. Неизвестный словацкий перевод Евангелия от Матфея с церковнославянского языка начала XX века.....	573
ДЗИЦКОЙТЫ Ю. А., ФАЛИЛЕЕВ А. И. Названия десны в осетинском языке.....	593
ДОМОСИЛЕЦКАЯ М. В. Платан (платан восточный <i>platanus orientalis</i> L.): к этимологии албанских фитонимов.....	611
ДРАЧЁВА Н. В. Влияние атомистической теории на лингвистическую доктрину Марка Теренция Варрона.....	620
ЕГОРОВА С. К. Место действия 5 Эпода Горация, или к вопросу о собаках (Нор. <i>Epod.</i> 5, 58).....	633
ЕМЕЛЬЯНОВ В. В. «Шумерский вопрос» Ф. Вайсбаха и современные границы шумерского вопроса	640
ЕСЕЛЕВА А. А. Именные композиты <i>hlaford</i> , <i>ealdhlaford</i> и <i>ealdhlafordcynn</i> в древнеанглийском языке.....	669
ЖЕЛТОВ А. Ю., ЖЕЛТОВА Е. В. Некоторые наблюдения над динамикой индоевропейских систем терминов родства в типологическом контексте.....	675
ЖУГРА А. В. Почему герои албанского эпоса так часто пьют воду?.....	713
ЗАБУДСКАЯ Я. Л. «(Не)трагический» Орест в греческой фразеологии.....	718
ЗАЙЦЕВ Д. В. Сагунт и Fides: некоторые комментарии ко второй песне «Пуники» Силия Италика.....	725
ЗАХАРЧЕНКО А. О. Конструкция <i>ab urbe condita</i> в прозе Саллюстия.....	736
ЗЕЛЬЧЕНКО В. В. Георгий Писида и комар.....	750
ЗОЛЯН С. Т. Мгер-старший и Мгер-младший в эпосе «Неистовые сасунцы»: двойная семантика одного имени.....	768

Ибрагимов И. И. Многозначность целевых показателей (на материале русского и древнегреческого языков).....	782
Иванов С. В. «Феминизация» этнических групп в Средневековой Европе: кровотечение иудеев и недуг уладов.....	797
Иванова Е. Ю. Инициальные клитики в болгарских говорах в свете контактологии.....	815
Илюшечкина Е. В. Замечания по поводу топики «первооткрывателя» (Plin. <i>Hist. Nat.</i> VII 191–214).....	846
КАЗАНСКИЙ Н. Н. Проблемы комментирования и сопоставления в русско-латинском параллельном корпусе.....	857
КАМЕНЕВ Д. М. Формы двойственного числа в Галицкой и Волынской летописях.....	874
КАРГАЛЬЦЕВ А. В. «Страсти Святой Сальсы»: историческое окружение и литературная специфика памятника.....	888
КАРЛОВА К. Ф. Образ всадника, убивающего демонического врага, в позднеримский период.....	900
КИРИЛЛОВА М. Н. Описание межевания окрестностей сабинского города Куреса в <i>liber coloniarum</i> II и его источники.....	927
КИСИЛИЕР М. Л. О двух разных перфектах или об арханизме и инновациях в глагольной системе новогреческого языка.....	937
КЛИМОВ О. Ю. Пергамский «логос» в «Истории» Полибия.....	956
КОРОВИНА Е. В. К возможности построения дискретной модели глоттохронологии.....	965
КОРОЛЕНКОВ А. В. Образ Гая Мария в сочинении Луция Аннея Флора...	976
КОРСО А. (CORSO A.). A suggestion concerning the statue of Zeus in the centre of the eastern pediment of the Parthenon.....	983
КОРЧАГИН А. О. Чей пищей стал Левиафан? К интерпретации Пс. 73/74:14	989
КОТОВА А. В. Женский труд как образ сравнения в античном героическом эпосе.....	1010
КУРИЛОВА А. Д. Трактровка антитезы в московском рукописном руководстве “ <i>Eloquentia ligata artificii...</i> ” (1743–1744).....	1027
КУРЫШЕВА М. А. Почерки писцов I и IV рукописи <i>VnF Supplément grec</i> 607 и писца документа императора Льва VI Мудрого.....	1033
ЛАДЫНИН И. А. Каналы Сесостриса: еще раз о следах сюжета поражения египетского царя скифами у Геродота.....	1039
ЛАРИОНОВА Н. Б. Глазное заболевание <i>λευκόματα</i> и методы его врачевания в чудесах Кира и Иоанна.....	1049
ЛУХОВИЦКИЙ Л. В. «Обвинители христиан»: история одного ересиологического термина.....	1059
ЛЮБЖИН А. И. <i>Magis rerum scriptor quam poeta et imitator haud imitandus</i> . Силий Италик в оценке французской критической и литературно-теоретической мысли XVII–XVIII вв.....	1080
ЛЮТИКОВА Е. А., СИДЕЛЬЦЕВ А. В. Синтаксис частных вопросов в хеттском языке.....	1100
Список авторов.....	1137

В. В. Емельянов

Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, Россия
banshur69@gmail.com

«ШУМЕРСКИЙ ВОПРОС» Ф. ВАЙСБАХА И СОВРЕМЕННЫЕ ГРАНИЦЫ ШУМЕРСКОГО ВОПРОСА¹

В статье определяется значение монографии Ф. Вайсбаха «Шумерский вопрос» для развития шумерологии и уделяется особое внимание развитию шумерского вопроса в отечественной науке о древнем Востоке. Автор считает, что работа Вайсбаха обозначила ту границу консенсуса, которая существует в современной науке по поводу этничности, языка и культуры шумеров с 1890-х гг. и пока не претерпела изменений. До сих пор считается, что слоговую клинопись начал первым использовать народ, говоривший на несемитском языке, что нужно называть этот народ шумерами, что его язык имеет естественное происхождение и, следовательно, существует шумерская этничность и шумерская культура. В статье показано, что проблема происхождения шумеров разделилась на этнический, лингвистический и расовый аспекты. Об этничности и расе шумеров ничего не известно, в их языке есть слова, присутствующие в различных макросемьях языков, а их культура не помнит стадии переселения и связана с ландшафтно-климатической парадигмой развития Южного Двуречья. Сам топоним KI.EN.GI, сопоставляемый с аккадским топонимом Shumeru, в наиболее ранних текстах обозначал часть города Урука, а вовсе не территорию Южного Двуречья. Тем не менее, следует выделить такие особенности шумерской культуры как культы неба, гор (как обители мертвых) и деревьев, отождествление небесного с божественным, вера в существование имперсональной божественной силы, а также возможную полиандрию. Все эти черты нехарактерны в III–II тыс. до н. э. для автохтонов древнего Ближнего Востока. Автор статьи обращает внимание на лингвистические сходства в базовой местоименной парадигме и религиозной лексике, а также в самоназвании шумеров с сино-тибетскими народами и полагает, что те и другие принадлежали некогда к более крупной межрегиональной общности.

Ключевые слова: Ф. Вайсбах, М. В. Никольский, шумеры, шумерский вопрос, проблема идентификации шумеров.

¹ Сердечно благодарю к.ф.н. Илью Александровича Грунтова за консультации в области лингвистики дальнего родства.

V. V. Emelianov

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

banshur69@gmail.com

“Die Sumerische Frage” by F. H. Weissbach and the modern boundaries of the Sumerian question

The article defines the significance of F. H. Weissbach’s monograph “Die Sumerische Frage” for the development of Sumerology and pays special attention to the development of the Sumerian question in the Russian studies of the ancient Near East. The author believes that Weissbach’s work marked the boundary of the consensus that has existed in modern scholarship regarding the ethnicity, language and culture of the Sumerians since the 1890s and has not yet undergone changes. It is still believed that cuneiform was first used by a people who spoke a non-Semitic language, that this people should be called Sumerians, that their language has a natural origin and, therefore, there is Sumerian ethnicity and Sumerian culture. The article shows that the problem of the origin of the Sumerians is divided into ethnic, linguistic and racial aspects. Nothing is known about the ethnicity and race of the Sumerians, their language contains words present in various macrofamilies of languages, and their culture does not remember the stage of migration and is associated with the landscape-climatic paradigm of the development of the Southern Mesopotamia. The toponym KI.EN.GI itself, compared with the Akkadian toponym Shumeru, in the earliest texts denoted a part of the city of Uruk, and not the territory of the Southern Mesopotamia at all. Nevertheless, it is necessary to highlight such features of the Sumerian culture as the cults of the sky, mountains (as the abode of the dead) and trees, the identification of the heavenly with the divine, the belief in the existence of an impersonal divine force, as well as possible polyandry. All these features are not characteristic of the autochthons of the Ancient Near East in the 3rd-2nd millennia BC. The author of the article draws attention to linguistic similarities in the basic pronominal paradigm and religious vocabulary, as well as in the self-designation of the Sumerians with the Sino-Tibetan peoples, and believes that both once belonged to a larger interregional community.

Keywords: F. H. Weissbach, M. V. Nikolski, Sumerians, Sumerian question, problem of identification of Sumerians.

МОНОГРАФИЯ Ф. ВАЙСБАХА И РОССИЙСКАЯ АССИРИОЛОГИЯ

Российская ассириология с самого начала, т. е. с 1880-х гг., развивалась независимо от западноевропейской. Ее основателями были автодидакты М. В. Никольский, В. С. Голенищев и В. К. Шилейко. Никто, кроме египтолога и эфиописта Б. А. Тураева,

не прошел стажировки по аккадским и шумерским текстам в Германии. Отечественные ученые работали только с теми собраниями табличек, которые находились на территории Российской империи, и никогда не обсуждали тех важнейших публикаций, которые выходили за пределами их страны. Так, в период марксистской схоластики 1920–1930-х гг. мимо нашей науки прошла важнейшая статья Б. Ландсбергера о концептуальной автономии вавилонской мысли, сформировавшая весь дискурс интеллектуальной истории в области ассириологии (Landsberger 1926; Sallaberger 2007). Однако еще раньше, в дореволюционный период, осталась незамеченной выдающаяся работа Ф. Вайсбаха «Шумерский вопрос», которая, с одной стороны, положила конец длительным дискуссиям, а с другой — обозначила границы нашего современного знания о предмете (Weissbach 1898). Интересно, что в этой работе немецкий коллега учел малоизвестную методическую публикацию своего русского коллеги М. В. Никольского. Однако в книге В. К. Шилейко «Вотивные надписи шумерийских правителей» ссылки на Вайсбаха и Никольского отсутствуют, а их выводы не обсуждаются (Shilejko 1915). Последующие работы отечественных ассириологов также игнорируют важнейшие тезисы обеих публикаций. В этой статье мы попытаемся осветить тезисы Никольского и параллельно работавшего Вайсбаха с позиций современной науки, а также определить современные границы шумерологии и те проблемы, которые пока не позволяют их преодолеть.

В 1880-х годах М. В. Никольский вел в Московском университете занятия «по семитоведению и ассириологии». Его студентами Б. А. Тураев в статье об ученых заслугах Никольского называет С. С. Слуцкого и И. Соловейчика (Turaev 1915: 5). Для учебных целей Никольский подготовил пару пособий. В помощь новичкам в ассириологии он создал хрестоматию, состоявшую из двух брошюр. В первой части были избранные ассиро-вавилонские силлабарии, а во второй — комментированное издание под названием: «Сумерийский гимн богу Огня IV тысячелетия до Р.Х. с транскрипцией, переводом и подробным объяснением, с приложением введения и примечаний. Автографическое издание М. Никольского, преподавателя еврейского языка в Императорском Московском Университете. Москва, 1884». Все пособие (52 с.) написано от руки, с

карандашной правкой и зачеркиваниями. Это и в самом деле издание шумеро-аккадского текста новоассирийской эпохи, но не гимна богу огня (как думал Никольский), а заклинания бога огня Гирры. В предисловии к своему изданию Никольский пишет: «Сумерийский язык, на котором первоначально написан разбираемый нами гимн, есть язык первобытных обитателей Халдеи. Он не принадлежит ни к индоевропейским, ни к семитическим языкам, но имеет много общего с языками финскими и урало-алтайскими; так же, как эти языки, он стоит еще на ступени агглютинации, но существенно отличается от них тем, что для образования грамматических форм употребляет способ префигирования элементов образования к корню, тогда как поименованные языки употребляют для сего суффигирование. Отнести его к разряду этих языков все-таки нельзя еще; кроме различия в строении, этому препятствует, главным образом, громадная разница во времени жизни того и других: между тем как сумерийский язык по самым древнейшим памятникам, на нем написанным, восходит до V тысячелетия до Р.Х., литература финских народов не имеет памятников свыше VIII в. после Р.Х. На этот язык надобно смотреть как на единственный в своем роде, притом как на самый древнейший из известных нам языков, древнее языка египетских иероглифов. Несмотря на такую его древность, мы все же далеко не беспомощны в деле его изучения; напротив, едва ли какой-либо из древнейших языков человечества имеет столько вспомогательных средств к тому, чтобы быть самым основательным образом исследованным и разработанным и лингвистически и литературно, как язык сумерийский. Обширная литература сумерийская дошла до нас почти исключительно чрез руки позднейших семитических халдеев и ассирийцев, также говоривших на семитическом языке; они тщательно сохранили сумерийские тексты, снабдили их переводом на свой язык (так называемый ассирийский), а главное, оставили нам большее количество составленных ими разнообразных руководств к пониманию сумерийского языка и литературы» (Nikol'skij 1884: 3)².

²Далее следует ряд ценных частных наблюдений, например: «Сумерийцы считали существующими только те предметы, которые соответственно своим свойствам получали имя; название предметом своего имени по их воззрению равносильно проявлению бытия, самопро-

Таким образом, уже в этом методическом пособии 1884 г. высказывается сразу несколько характерных для современной науки идей: 1) шумерский язык является реальным языком, на котором говорили обитатели южной Месопотамии; 2) он имеет много общего с известными европейцам агглютинативными языками, и потому его можно типологически сравнить с финно-угорскими и алтайскими; 3) однако, он отличается от них способом агглютинации (префиксы в шумерском и суффиксы в языках сравнения) и очень далеко располагается от прочих агглютинативных языков во времени, что мешает синхронному сравнению; 4) на него нужно смотреть как на изолят; 5) мы понимаем шумерский язык только через вавилоно-ассирийское посредничество.

Книжечку Никольского в числе трех книг, о которых он знает, но не видел, упомянул в своей докторской диссертации Франц Вайсбах (Weissbach 1898: III). Имя этого выдающегося востоковеда очень мало упоминается в современной науке. Поэтому имеет смысл привести его краткую биографию. Франц Генрих Вайсбах (1865–1944) учился в Лейпцигском университете у Фридриха Делича. В 1890 году была защищена его докторская диссертация на тему «Об ахеменидских надписях второго рода», посвященная текстам на эламском языке. В 1897 г. он стал хабилитированным доктором за диссертацию «К решению шумерского вопроса», а в следующем году выпустил монографию «Шумерский вопрос». В дальнейшем Вайсбах занимался самыми разными предметами: издавал древнеперсидские надписи, вавилонские надписи Навуходоносора II, изучал системы веса в древней Месопотамии, участвовал в раскопках и изучал современные арабские диалекты Ирака. Его карьера складывалась причудливо. Вайсбах работал библиотекарем и одновременно читал лекции в Лейпцигском университете как внештатный профессор. Ординарным профессором он стал только в 1930 г. Однако довольно быстро лишился места. Дело в том, что в 1933 г. Вайсбах захотел вступить в НСДАП, но не был принят, поскольку состоял в масонской ложе. Тогда в 1934 г. он написал письмо Гитлеру, в котором

явлению» (Nikol'skij 1884: 24–25); «В сумерийском языке называть имя значит быть, и <...> самый глагол быть, те, первоначально имел значение ‘называть’» (Nikol'skij 1884: 31).

защищал честь масонства, при этом подчеркивая свои национальные чувства. Ответом канцлера Германии было увольнение странного профессора из университета. С 1935 г. Вайсбах был лишен работы и не публиковался. А в 1944 г. он погиб от взрыва бомбы на улице своего города Марклеберга (Müller 1979: 67–86).

Как становится ясно из его биографии, Вайсбах с самого начала хотел быть специалистом по Эламу. Он довольно рано определил эламский язык как изолированный и искал среди других древних языков второй пример изолята, чтобы сопоставить его с эламским. Таким языком оказался шумерский. И Вайсбах принялся изучать историю шумерологии еще тогда, когда сам предмет находился в стадии острейших дискуссий, а до важнейших филологических публикаций Ф. Тюрро-Данжена оставалось около десяти лет. Нельзя не подивиться смелости исследователя, ранее имевшего дело только с персидским, аккадским и эламским языками. Нельзя не отметить и его скрупулезность в учете публикаций, позволившую ему учесть данные даже малотиражного московского учебного пособия, написанного Никольским.

Для истории шумерологии (а она еще не написана) книга Вайсбаха является важнейшей вехой, потому что это первое подведение итогов научной дискуссии, начавшейся в 1850 году и доведенной до года защиты диссертации (1897). Судя по дате в предисловии, книга была завершена 22 ноября 1897 г. В первой части работы автор делит историю шумерологии на три этапа. А во второй формулирует основные проблемы и в конце предлагает их решения. Начать, пожалуй, нужно именно с этих проблем:

- 1) Клинопись — семитское или несемитское изобретение?
- 2) Представляет ли так называемый шумерский язык ассирийскую аллографию или другой язык?
- 3) Так называемый шумерский — искусственный или естественный язык?
- 4) Какое название следует дать так называемому шумерскому языку?
- 5) Каковы родственные отношения шумерского языка?

Первый этап в истории шумерологии, согласно Вайсбаху, длился с 1850 по 1874 гг. На этом этапе основным вопросом было именование несемитского языка клинописных текстов

Ассирии как «шумерского» или как «аккадского», а также определение его лингвистического типа. После того, как Э. Хинке определил один из языков библиотеки Ашшурбанапала как семитский, возникли вопросы по поводу второго языка, который явно не встраивался в семитскую парадигму. Г. Раулинсон, Ж. Опперт, Ф. Ленорман стали предлагать свои названия: касдо-скифский, прото-скифский, аккадский. 13 января 1869 г. Опперт выступил в Обществе французских нумизматов и археологов с докладом, в котором назвал несемитский язык ассирийских текстов касдейским или шумерским. Он определил его как грамматически похожий на турецкий, финский и венгерский. Обсуждение доклада шло в русле сопоставления носителей шумерского языка с т. н. «туранцами»³ и с библейскими потомками Ноя.

Дальнейшая дискуссия шла уже между Оппертом и Ленорманом. Доводы Опперта в пользу шумерского языка и шумеров были следующие:

1) В клинописных текстах цари, даже позднего периода, называют себя «царями шумеров и аккадцев». Из этих двух имен последние представляют семитский народ, а шумеры — туранский народ.

2) Идеограмма Шумера состоит из двух символов EME.KU, один из которых означает «язык», а другой — «поклонение». Так что Шумер — это что-то вроде «священного языка».

3) Символ Аккада также обозначает землю Арарат, что указывает на нордическое происхождение. Более того, эта идеограмма Аккада, обозначающего Вавилон, по-видимому, образовалась путем наложения знака Ашшура.

4) В одном тексте ассирийские грамматики приравняются к аккадским; в другом ассирийский текст квалифицируется как аккадский документ. Если бы мы не называли язык ассирийским, нам пришлось бы называть его аккадским.

5) В текстах этого языка, как и в более поздних, «Шумер» предшествует слову «Аккад» и представлен там тремя символами KI.EN.GI «земля истинного Господа», тогда как ассирийцы выражают название «Шумер», принадлежавшее прежде их

³ Об истории понятия «туранцы» в европейской антропологии в настоящее время см. (Knüppel 2006; Wiedermann 2010).

земле, используя известную идеограмму ЕМЕ.KU «святой язык».

Далее Опперт продолжил эти аргументы рядом комментариев о шумерской грамматике. Ему казалось, что язык шумеров принадлежит к вымершей ветви туранской языковой семьи. Однако, хотя ему удалось обнаружить сходство шумерского и татаро-финского языков в системе суффиксов и послелогов, шумерский глагол проявлял такие аномалии, что, несмотря на годы усилий, ему не удалось обнаружить ничего, что напоминало бы туранское спряжение (Weissbach 1898: 10–14).

Затем со своими контраргументами выступил Ленорман. Он, в частности, заметил связь между *ng* и *m* в семитских названиях южного Двуречья: *Sungiri*, *Sennar*, *Samarra*, *Šin‘ar*, *Singara*. Следовательно, у страны изначально могло быть туранское название, связанное с назализованными звуками. Он также полагал, что *ki-en-gi* обозначает «земля, страна», и таким образом титул *šar ki-en-gi Akkad* означает просто «царь земли Аккад». «Аккадский» язык Ленорман считал происходящим из особой группы урало-алтайской семьи, ближе к финскому, но в определенном отношении родственным турецкому, монгольскому, тунгусскому и даже баскскому (Weissbach 1898: 14–16).

Итак, первый период в развитии шумерологии имел следующие основные результаты:

1) Клинопись не была изобретена семитами.

2) Несемитский язык клинописи является агглютинирующим и относится к туранским. Шумер и Аккад даже сопоставляются с Суоми и Аккерак (Weissbach 1898: 24).

Второй этап в развитии шумерологии по Вайсбаху длился с 1874 по 1880 г. И основным его вопросом был вопрос, является ли так называемый аккадский или шумерский язык естественным языком отдельного народа или разновидностью семитской письменности. В июне 1874 г. семитолог Ж. Галеви опубликовал работу, в которой изложил взгляды на клинопись, прямо противоречащие общепринятым. В своих «Критических наблюдениях о предполагаемых туранцах Вавилонии» он стремился ответить на следующие 3 вопроса:

1. Принадлежит ли аккадский язык, если предположить его существование, туранской языковой семье?

2. Можно ли доказать существование туранского народа на земле Вавилонии?

3. Составляют ли тексты, называемые «аккадскими», язык, отличный от ассирийского, или просто идеографическую систему, которую придумали сами ассирийцы, помимо фонетической транскрипции?

В следовавших далее тезисах Галеви верно понял, что в «аккадском» и «туранских» нет общих грамматических категорий, различный синтаксис и нет заметной общей лексики. Однако его гиперкритицизм пошел значительно дальше, и он предположил, что, поскольку мы не знаем изображений несемитского населения, а все населенные пункты Месопотамии имеют семитское происхождение, то односложные слова «аккадского» это не что иное, как начальные слоги семитских слов ⁴ (Weissbach 1898: 25–27). На помощь Галеви пришли финно-угроведы и тюркологи. Они сопоставили термины родства и числительные в шумерском, финно-угорских и тюркских языках и пришли к однозначному выводу: «Аккадский язык не является урало-алтайской идиомой. Это может быть агглютинирующий язык, но мы отвергаем термин «туранский» как совершенно неоправданный и ненаучный, когда речь идет об угрофинских, самодийских и тюркских языках» (Weissbach 1898: 33). Галеви торжествовал и объявил «аккадский» язык призраком. В результате такого поворота дел Ж. Опперту пришлось воевать на два фронта — против называния шумерского языка аккадским и против отрицания его как естественного языка (Weissbach 1898: 27). После раскопок Э. де Сарзека на холме Телло были обнаружены артефакты несемитской культуры Двуречья. И к 1880 г. победила точка зрения, согласно которой аккадским следует называть семитский язык клинописи, а несемитские надписи методом исключения следует считать написанными на шумерском языке.

Можно сказать, что гиперкритика Галеви была после 1880 г. окончательно преодолена сообществом ассириологов. Третий этап шумерологии был начат П. Хауптом, открывшим особый «женский» диалект шумерского языка (EME.SAL), и характерен изучением различных диалектов и идиолектов

⁴ Например, силлабарное соответствие шум. А = аккад. *aplu* ‘наследник’ Галеви понимал, как аллограмму аккадского слова по первому звуку, а не соответствие аккадского слова шумерскому слову а ‘вода, семя, наследник’.

шумерского языка: EME.KU, EME.SAL, EME.LUN и др. Однако Галеви продолжал собирать аргументы и активно публиковал статьи против существования шумерского языка. И на новом этапе самым последовательным критиком его идей стал К. Леман. Он сравнил между собой аккадский и шумерский языки и пришел к следующим выводам:

1. Ассирийский язык флективный, шумерский агглютинативный.

2. В ассирийском языке гласные являются важнейшим средством выражения и различения форм, образовавшихся от корня слова. В шумерском же, напротив, особенностями, прямо противоречащими этой функции гласных, являются: а) жесткая неизменность основы, при которой, конечно, изменения звука являются внешними факторами, не имеющими никакой связи со значением и развитием формы; б) гармония гласных.

3. Ассирийский имеет грамматический род, Шумерский язык не имеет рода.

4. В ассирийском языке есть предлоги, в шумерском языке можно найти только послелог.

5. В ассирийском местоименный объект маркируется суффиксом, в шумерском — инфиксом.

По-видимому, именно Леману удалось окончательно убедить сообщество и в самостоятельности, и в отдельности шумерского языка (Weissbach 1898: 121–125). После его работ начались поиски родства. Возникли сразу египетская, этруская и китайская гипотезы. Однако они довольно быстро были опровергнуты сравнениями грамматики и лексики (Weissbach 1898: 130–133).

Во второй части своей монографии Вайсбах анализирует аргументы сторонников и противников шумерского языка и формулирует ответы на вопросы, поставленные в каждой главе (Weissbach 1898: 181).

1. Клинопись была изобретением народа, не говорившего на семитском языке.

2. Язык этого несемитского народа, присутствующий в бесчисленных исторических надписях, религиозных и грамматических текстах, можно охарактеризовать как «шумерский».

3. Он не является аллографией семитского, а представляет собой естественный язык.

4. Родственники этого языка не обнаружены.

Мы знаем, что история шумерологии была продолжена в начале XX в. изданиями Ф. Тюрро-Данжена, грамматиками А. Пёбеля и А. Фалькенштейна. Эта часть истории науки теперь хорошо освещена в работе Э. Марзаль. Она дает трудам Вайсбаха достойную оценку: «Последним примечательным ученым этого периода является Франц Х. Вайсбах (1865–1944), который в своей работе *Zur Lösung der sumerischen Frage* (1897) в значительной степени доказал несостоятельность аргументов Галеви. За этим последовала его другая главная работа по шумерскому языку, *Die sumerische Frage* (1898), где он вернулся к этим аргументам, настаивая на существовании диалекта Эмесаль как главного доказательства существования шумерского языка. С публикацией этих важных работ реальность шумерского языка была окончательно доказана, хотя аргументы Галеви все еще продолжали цитироваться на первых страницах всех шумерских грамматик в течение нескольких последующих лет» (Marsal 2014: 291).

Аргументы Галеви не просто продолжали цитироваться. В сентябре 1897 г. на Международном конгрессе востоковедов в Париже ученые голосовали за или против существования шумеров. За шумеров поднялись только две руки — Тюрро-Данжена и А. Иеремиаса (Weissbach 1898: IV). Такова была степень консерватизма ассириологов и семитологов Западной Европы.

Как же приняли работу Вайсбаха отечественные ассириологи? О ней хорошо знал учившийся у Лемана Тураев⁵. Однако он после издания двух шумерских табличек из Киевского музея (Turaev 1901) не занимался ассириологией. Что же касается

⁵ «С зимнего семестра 1893–1894 года выступил в Берлинском университете молодой, но уже давно известный ассириолог доктор К. Леман <...>. Действительно, между здешними ориенталистами он более других приближается к настоящему понятию историка, а потому его курс вавилоно-ассирийской истории и служивший к нему дополнением археологический курс в Музее были полны глубокого интереса и сообщали немало новых взглядов. Остроумие, широта мысли, прекрасное знание классиков и умение извлекать из них ценные данные, строгая, но свободная от крайности критичность, отсутствие предвзятых взглядов учёного, от которого наука вправе ожидать ещё очень многого. Уже теперь она обязана ему уяснением самого тёмного периода вавилонской истории — древнейших городских царств и блестящим опровержением анти-сумеристов» (Turaev 1894: 20–24).

П. К. Коковцова, то исследование его архива показало его полную осведомленность в трудах Вайсбаха. Сохранились десятки выписок Коковцова из книги Вайсбаха. Но из представленных фактов Коковцов сделал противоположные выводы, никому не сообщив о своем анти-сумеризме в печати⁶. Никольский или не был с ней знаком, или изучил ее невнимательно. Иначе не были бы возможны поздние внезапные сомнения Никольского в шумерах и шумерском языке (возникшие, бесспорно, от влияния Коковцова)⁷. Что же касается Шилейко, то следов монографии

⁶ Коковцов, не публиковавший своих мнений по поводу шумеров и шумерского языка, даже в 1920-х гг. пытался искать обоснование теориям Галеви. Об этом говорят его черновые записи, обнаруженные мною в архиве ученого. Так, он заметил, что шумерское слово *ka₅* 'лиса', по-аккадски звучащее как *šēlibu*, пишется знаком LIB (СПб АРАН. Ф. 779. Оп. 1. Д. 45/1,2. Л. 531), а знаком MU обозначаются слова, имеющие в семитских языках окончание -*mu* (араб. 'āmu(n) 'год' и аккад. *šumu* 'имя') (л. 531). В ряде случаев им установлены аккадские слова, заимствованные шумерским языком: GAZ < *qašāšu* 'резать' (л. 480). Однако Коковцов делает из своих наблюдений совсем другой вывод, а именно — что шумерские знаки являются криптограммами аккадских слов, а следовательно — нужно вслед за Галеви и его сторонниками считать шумерскую часть силлабария иератикой, а аккадскую — демотикой клинописи. Поразительно при этом то, что все выписки Коковцова касаются только новоассирийской и нововавилонской графики. Он даже не пытается проследить изменения клинописных знаков и потому сомневается в том, что новоассирийская клинопись могла произойти от «сумерийского» письма, хотя не сомневается в происхождении ее из пиктограмм.

⁷ «Надобно сначала решить вопрос, что древнее, курица или яйцо, т. е. сумерийцы ли заимствовали у семитов или последние у сумерийцев, а еще роится другой вопрос, да были ли еще сумерийцы. Погружаясь все глубже в гущу сумеризма, я все более теряю почву под ногами: сумерийские идеограммы и их странные комбинации мне все более представляются каким-то искусственным механизмом, лишенным свойств живого организма. Для меня они получают жизнь только тогда, когда я устанавливаю их семитские эквиваленты, без превращения же сумеризма в семитизмы приходится иметь дело с какими-то знаками или символами чего-то живого, а не с самою живою индивидуальностью» (письмо П. К. Коковцову 1905 г., б. д. Ф. 779. Оп. 2. Д. 297. Л. 39 об.). В другом письме тому же адресату Никольский еще более откровенен: решив, что шумеро-аккадские соответствия типа E₂.GAL = *ekallu* 'дворец' — это идеографическое и фонетическое чтение одного семитского слова, он пишет: «Галеви, пожалуй, прав,

Вайсбаха в его работах нет⁸. И, скорее всего, его конфликт с Коковцовым не касался этой работы напрямую⁹. К сожалению, такого рода отставание от передовых научных позиций стало следствием автономного развития ассириологии в России.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ШУМЕРСКОГО ВОПРОСА

Однако от истории науки перейдем теперь к ее современному состоянию. Диссертация и монография Вайсбаха, равно как и тезисы Никольского, обозначают ту границу, на которой с 1898 г. находится шумерология в самом главном своем аспекте — обнаружения своего объекта и родства его языка. Мы можем констатировать здесь отсутствие заметного продвижения. Накопленные многочисленные сведения о письме, грамматике и текстах пока не продвинули нас ни на шаг дальше. Предложенные за сто лет новые чтения знаков, равно как и гипотезы родства со всеми семьями языков, пока ни к чему не привели¹⁰. Равным образом и антропологам не удалось на

называя подобные шумерийские формы ребусами для ассирийских слов» (от 1 июня 1905 г. Ф. 779. Оп. 2. Д. 297. Л. 31). Удивительно, что Никольский пишет это через 20 лет после своих правильных суждений о шумерском языке в пособии 1884 г.

⁸ Шилейко предпочитал использовать публикации частного характера и не читать обобщающих работ. В его первой статье видны следы его знакомства с этими публикациями: «В 1889 г. Бецольд доказал, что сами вавилонские семиты называли этот чуждый им язык «языком Шумера». Около того же времени появились сомнения в принадлежности шумерийского языка к туранской языковой группе. Гоммель сближал его с египетским языком, Брюннов подыскивал аналогии в языках китайском, японском, сиамском и т. д.; более осторожные поставили пока на этом вопросе *non liquet*. В настоящее время точное грамматическое изучение шумерийского языка успешно ведется Тюрро-Данженом, отказывающимся от всяких сближений и аналогий. Вопрос о расовом различии населения Вавилонии покоится исключительно на различии языков. Таким образом, пока не разрешен вопрос о шумерийском языке, не может быть разрешен и вопрос о расовой принадлежности древнейших обитателей Вавилонии, шумерийцев» (Shilejko 1912: 190).

⁹ О перипетиях этого конфликта подробнее (Emel'janov 2019: 111–131).

¹⁰ Их обзор и критика даны в (Emel'janov 2006).

сегодняшний день обнаружить шумеров во плоти¹¹, поскольку кладбища фрагментарны, а анализ гаплогрупп не может указывать на этническое происхождение. Что же касается памятников искусства, то изображения на них условны и не маркируют расовую принадлежность.

Попробуем кратко описать движение шумерологии в сторону изучения шумерской идентичности после издания Ф. Тюрот-Данженом в 1905 г. шумерских царских надписей. Уже в 1910 г. появляется монография Л. В. Кинга, в которой выдвигается гипотеза межэтнического конфликта шумеров и аккадцев с последующим вытеснением и уничтожением шумеров (King 1910). Эта гипотеза была довольно живучей и просуществовала до 1939 г., когда Т. Якобсен, а за ним спустя десятилетия и И. М. Дьяконов показали ее несостоятельность: в раннем древнем мире не было представлений об этнической солидарности, идентичность определялась принадлежностью либо к городу, либо к роду (Jacobsen 1939; D'jakonov 1963). В 1923 г. выходит шумерская грамматика А. Пёбеля. В конце 1920-х гг. Б. Ландсбергер постулирует отличие грамматических и религиозных категорий в аккадском и шумерском языках и ставит вопрос о концептуальной автономии вавилонского мира (Landsberger 1926). В 1932 г. В. Христиан открывает эргативность в шумер-

¹¹ Антропология и этнология шумеров пока не добились никаких результатов. О материальной культуре нельзя судить, потому что непонятно, как разделить шумерскую посуду или украшения от семитских или хурритских. Погребенных в некоторых районах южного Ирака относят к большой средиземноморской ветви европеоидной расы, однако никто не смог бы сказать, были ли среди них шумеры. В конце своего исследования А. Совтысяк резюмирует: «В настоящее время никто не ожидает, что краниологические измерения могут раскрыть происхождение шумеров, но физические антропологи могут попытаться реконструировать состояние здоровья, рацион питания, род занятий и многие другие индивидуальные и популяционные характеристики, которые могут расширить наше современное представление об условиях жизни шумеров и других этнических групп, населявших Месопотамию в прошлом» (Softysiak 2004: 154). Что же касается одежды, то В. Христиан усматривает сходство между одеяниями шумеров и жителей Индии и Ассама. Он также находит аналогии в бритье бороды и волос на голове у шумеров и тибетцев. Христиан ищет прародину шумеров в междуречье Брахмапутры и Иравади (Christian 1961).

ском языке (Christian 1932: 113–114; Marsal 2015: 260). В конце 1930-х гг. С. Н. Крамер начинает публиковать литературные тексты на шумерском языке, а Т. Якобсен формулирует основные идеи по поводу общественного строя в Шумере. Это укрепляет позиции сторонников шумерского доминирования в Двуречье, среди которых был еще В. К. Шилейко, и временно расшатывает позиции сторонников семитского преобладания, шедших за Э. Мейером¹². Кульминацией такого «паншумеризма» в науках о древнем Востоке стали книги Крамера (Kramer 1956; 1963), а последним всплеском «паншумеризма» был выпуск в 1970-х гг. С. Либерманом тома шумерских заимствований в аккадском языке, из содержания которого было видно подавляющее влияние шумерского языка во всех сферах применения аккадского языка (Lieberman 1977). Однако вскоре маятник качнулся в другую сторону.

За десятилетие до выхода книги Либермана И. Гельб предложил разделить этническую, лингвистическую и расовую проблему шумеров. Его аргументы были следующие:

1. На шумерском языке говорили в III тыс. и писали в III–I тыс. до н. э. все народы, жившие в Месопотамии.

2. Мы не можем установить по костякам и изображениям, кто был или не был шумером, поскольку в Месопотамии жило множество народов. Соответственно, доводы о брахицефалии или долихоцефалии как этнической или расовой принадлежности¹³ несостоятельны.

3. Жившие в Шумере (т. е. на юге страны) не называли себя шумерами.

4. Из этого следует вывод, что нешумер мог говорить и писать по-шумерски, шумеры могли иметь разные формы черепа, а шумеры по происхождению из текстов не выделяются (Gelb 1960).

Позиция Гельба постепенно начинает иметь успех, и к началу 1990-х гг. происходит наступление лингвистов-семито-

¹² Об аргументах В. К. Шилейко в пользу шумерского приоритета в культуре Месопотамии и о его дискуссиях со сторонниками Э. Мейера теперь см. (Emel'janov 2019: 168–178).

¹³ Такую точку зрения высказывал Г. Франкфорт, который на основе изображений южной Месопотамии делал вывод о брахицефальности шумеров и долихоцефальности аккадцев (Frankfort 1932: 62–63).

логов, которые обнаруживают в шумерском языке большое количество аккадизмов (итог подведен в (Emelianov 2014)) и семитизмов (Kovalev, Militarev 1993; Civil 2007; Cerqueglini 2023). Затем за дело берутся лингвисты дальнего родства. И в результате шумерские слова обнаруживаются в большом количестве языков и языковых макросемей — афразийской (Militarev 1995)¹⁴, ностратической (Whittaker 1998) и синокавказской (Bengtson 1990¹⁵; Blažek, Bengtson 1995¹⁶). К началу нового столетия прежняя модель общества «шумерский Шумер — семитский Аккад» рассыпается, и на ее месте оказывается модель «Юг-Север», для которой постулируются в одинаковой степени и шумерское, и семитское влияние (Steinkeller 1993; Kozyreva 2004; Pecha 2023).

¹⁴ Им был сделан следующий вывод: «...ареал их обитания, непосредственно предшествовавшего исторически засвидетельствованной локализации в Нижней Месопотамии, следует искать в гипотетической зоне контактов с афразийцами, т. е. в ареале распространения афразийских диалектов VI–IV тыс., которым мог быть любой участок «плодородного полумесяца» (скорее всего Средняя Месопотамия, но возможно — Северная или Восточная Аравия)» (Militarev 1995: 116). Милитареву ответил И. М. Дьяконов, предположив, что единственным возможным вариантом контакта был вымерший афразийский диалект Х, носители которого жили в Передней Азии во время прихода туда шумеров (D'jakonov 1996: 89).

¹⁵ Примеры Бенгтсона содержат ошибки в обозначении шумерских слов: (12) ‘день’ будет не ug, а ud; (14) ma-da ‘страна’ это аккадизм от *mātu*; (15) za₂ — устаревшее чтение для pa₄ ‘камень’; (30) все наоборот: -ta это показатель аблатива, а -da — комитатива, ta- не выступает в значении локатива. Очевидно неверен первый пример: шумер. me ‘магическая сила, желание, потенция’ никогда не выступало в значении ‘язык’, me и me₂ связаны только созвучием.

¹⁶ Из представленных в этой статье многочисленных соответствий для шумеролога интересны прежде всего грамматические: соответствие синокавказских и шумерских показателей указательных местоимений ne ‘этот’ и gi ‘тот’, а также синокавказское -da в значении ‘и, или, а также’ в сопоставлении с шумерским показателем комитатива -da ‘вместе с’ (Blažek, Bengtson 1995: 40–41). Поскольку в шумерском языке соединительный союз u₃ ‘и’ заимствован из аккадского языка, то было непонятно, как же обозначалась соединительность до прихода шумеров в Месопотамию. Указанное авторами схождение может прояснить этот вопрос.

Так постепенно шумерский вопрос стал растворяться в более общих проблемах — проблеме взаимодействия языковых макросемей и проблеме ландшафтно-климатического устройства и хозяйствования двух регионов Месопотамии. Шумерская культурная идентичность потерялась почти совершенно. И пора вернуться к ней на новом этапе развития шумерологии, если мы не хотим окончательно утратить свой объект, увидеть его призраком, как и думал в свое время Галеви.

Прежде всего, нужно вернуться к обсуждению терминов идентичности. Несомненно, что язык, который мы называем шумерским, по-аккадски назывался именно *lišān Šumeri* (CAD Sh3: 272–273). Однако на самом шумерском языке он назывался *eme-gir₁₅*, и перевод второго слова нам в точности не известен. Мы до сих пор не понимаем значения знака KU в чтении *gir₁₅*. В силлабрии дано *rubū* «вельможа, господин, влиятельный человек» (CAD R: 396 в чтении *ge-e*), между тем как словари трактуют его «native, local» (ePSD, *gir₁₅*). Откуда берется такая интерпретация — непонятно. Если следовать силлабарию, то перевод будет «язык господ», т. е. тот, на котором говорит правящий слой населения. Не меньше вопросов вызывает обозначение территории KI.EN.GI. Отсутствие идеограммы при записи топонима может указывать на его иноязычное происхождение¹⁷. Известно, что наиболее древние местные объекты обозначались в ранней клинописи именно идеограммами. Кроме того, следует иметь в виду, что в гимнах из Абу Салябиха (XXV в.) KI.EN.GI во всех контекстах маркирует Урук и его храм (Krebernik, Lisman 2020: 37, 112). Это не название страны в целом. Однако в силлабариях II тыс. до н. э. есть устойчивое соответствие $KI.EN.GI^{ki} = \dot{Sumeru}$ (CAD Sh3: 272). Точное значение KI.EN.GI неизвестно (возможно, в народной этимологии его понимали «земля властных энов»). Таким образом, данные термины менее всего пригодны для рассмотрения вопроса о культурной идентичности. К этому прибавляется проблема слитности шумерской и аккадской культур в единую шумеро-аккадскую. Современные исследования древнейших

¹⁷ Такое обозначение, учитывая употребление с падежом и полную форму *Kengi(r)*, могло отражать на письме сложное сочетание звуков, вовсе не свойственное народам Ближнего Востока, например, *kuengir* или даже *khyengir*.

литературных текстов на шумерском языке позволили прочесть в колофонах имена писцов, и оказалось, что почти половину составляют семитские имена (9 шумерских имен и 8 семитских) (Krebernik, Lisman 2020: 79). То есть, самые ранние известные нам шумерские тексты записаны носителями как шумерских, так и семитских языков. И тогда получается, что не только с конца III тыс. до н. э., но уже с его середины шумерский язык должен восприниматься нами через почерки и знания семитоязычных копиистов или даже составителей шумерских текстов, не бывших теми, кого мы назвали бы этническими шумерами. Вероятно, шумерское культурное начало в письменный период никогда не существовало на юге Двуречья вне аккадского. Если же прибавить к этому современные сомнения специалистов в том, что шумеры были изобретателями клинописи (Englund 1998: 78–79), то хочется спросить, как же вообще с учетом этих фактов можно найти живого шумера и увидеть его неповторимый облик.

Автор этой статьи придерживается того мнения, что те, кого мы называем шумерами, не были автохтонами южной Месопотамии. Они принесли на новую территорию своего обитания культ Неба, которое отождествляли с божественным началом как таковым, культ гор, где они помещали мертвых¹⁸, и культ священных деревьев. В южном Ираке нет гор, нет высоких деревьев, проживающие там и в окрестностях семитские народы никогда не отождествляли божество с верхом и с небом¹⁹.

¹⁸ В шумерской литературе есть упоминание о царе Мескианггашере, который *ab-ba ba-an-kur₉ hur-saĝ-še₃ ba-an-ed₃* «вошел в море (и) ушел в горы» (Царский список: 100–101), что является эвфемизмом смерти. Известны также упоминания о восшествии царей III династии Ура на небо через неделю после их смерти (Steinkeller 2013: 460–466). Вполне возможно, что это очень древние представления, связанные с воздушным погребением — подвешиванием тел умерших на деревьях или сооружением каменной гробницы на вершине горы, что практикуется у тибетцев, народов Кавказа, алтайских народов и у финского племени мокша. Они сменились у шумеров ближневосточным обычаем погребения в землю, но мифологема осталась прежней.

¹⁹ Шумер. знак AN объединяет слова *an* ‘небо’ и *dingir* ‘бог’. Бог шумеров — сияющее тело, удаленное от Земли. Вполне возможно, что шумерское *dingir* связано с алтайской основой **t’angiri* ‘клятва, бог’, к которой восходят, в частности, праторское **teŋri* / **taŋri* ‘небо, бог’ и праяпонское **tinkir*- ‘клясться’. Альтернативной этимоло-

Высотные храмы на Ближнем Востоке тоже впервые возникают только в районе обитания шумеров. Для религии шумеров характерна вера в нисходящую с неба имперсональную божественную силу, от которой зависит жизненный процесс, власть правителя и городская цивилизация. Подобная вера неизвестна у семитских или кавказских народов Ближнего Востока, зато ее хорошо знают в Китае, в Индии и в Тибете. К этим чертам, нехарактерным для семитских культур, следует прибавить полиандрию. В шумерском тексте, известном как «Овальная пластинка», есть прямой запрет женщинам иметь двух мужей (Gavrilova 2024: 155), а в шумерской религии постоянно прослеживается конфликт между женскими и мужскими божествами.

Обратимся теперь к свидетельствам, которые позволяют конкретизировать нашу позицию. Тибетолог Я. Браун еще в 1971 г. высказал гипотезу о том, что шумеры пришли на кораблях из северной Индии, где они жили рядом с сино-тибетскими народами (Braun 1971: 47–48). Связь между народами Индии и Шумера была отмечена и в статье об Аратте в древнеиндийских источниках (Vasil'kov, Gurov 1995). К этим наблюдениям нужно прибавить и гипотезу И. М. Дьяконова о родстве шумерского с языками мунда (хотя и не подтвержденную списками базисной лексики) (Diakonoff 1997; Kassian 2014: 3–4). Несколько позднее Я. Браун выпустил монографию о сравнении шумерского языка с тибето-бирманскими (Braun 2001). В ней несколько сотен предполагаемых соответствий. Однако профессиональный шумеролог сразу обнаружит такие проблемы этого исследования, как:

1. Пользование «Шумерским лексиконом» А. Даймеля (1935–1950), в котором множество устаревших транслитераций и неверно установленных значений.
2. Сравнение тибетских слов с первыми значениями шумерских знаков, без знания правильного чтения и дополнительных значений.

логией для тюркского корня является енисейское *tingVr- ‘high’ (Georg 2001; Starostin, Dybo, Mudrak 2003: 1401–1402; Dybo 2007: 83). Напротив, семит. *’l, ilu* связано с основой *’yl* ‘to be powerful’, а эпитетом Эла является ‘Бык’ (Pore 1955: 16–21), бог семитов — тот, кто имеет силу и повелевает.

3. Сравнение шумерских слов со словами современных тибето-бирманских языков, без обращения к реконструкции праязыка семьи и списков Сводеша.

Тем не менее, если сравнить небольшую часть представленного материала с лексикостатистической базой данных и с данными шумерских текстов, то представляются интересными следующие соответствия²⁰:

1. Базисная местоименная парадигма шумерского *jae* ‘я’ — *zae* ‘ты’ соотносится с первой частью сино-тибетской парадигмы *ŋā*- ‘я’ — **nhā* ‘ты’²¹.

2. Шумерским числительным *limmu* ‘4’ и *ia₂* ‘5’ соответствуют прото-сино-тибетские **lĭj* (p-) (в частности, бирманское *lau₃*) ‘4’ и **ŋāh* (в том числе, бирманское *nga₃*) ‘5’.

3. Шумерскому слову *Iu₂* ‘свободный мужчина, человек’ соответствует бирманское *Iuu* ‘человек’²².

4. Шумерским эпитетам святости *dag-dag* (*dadag*, *zalag*) и *ṣen* соответствуют тибетские эпитеты святости *dag* (прото-сино-тибетское **th(r)Vŋ* (~ *dh-*)) (Jäschke 1881: 247) и (*b*)*seŋ* (прото-сино-тибетское **chĕŋ*).

5. Шумерским поминальным местам *abum* и *dur*²³ соответствуют тибетские поминальные места *ābum*²⁴ и *dur* (Jäschke 1881: 253; Emelianov 2024).

6. Шумерскому *dug₃* ‘хороший, добрый, приятный’ соответствует тибетское (*s*)*dug* ‘хороший, добрый, приятный’ (прото-сино-тибетское **tĭk^w*) (Jäschke 1881: 293).

7. Шумерскому *ša_g₅* ‘прекрасный’ соответствует прото-сино-тибетское *sāŋ* ‘прекрасный, красивый’.

8. Шумерскому *zil₂* ‘сияющий’ соответствует тибетское *zil* ‘сияние’.

9. Шумерскому *te-na* ‘прохлада, холод’, *en-te-en* ‘зима’ соответствует прото-сино-тибетское **tōŋ* / **tōn* ‘зима, осень’.

10. Довольно курьезна встречаемость похожих слов со значением ‘дыра, яма’ в шумерском и прото-сино-тибетском

²⁰ Дальнейшие примеры взяты из базы Starling.

²¹ При этом шумер. *zae* коррелирует с прото-северокавказским местоимением 2 л. **žwĕ*.

²² Сино-тибетские параллели отсутствуют. Но возможна сино-кавказская основа (Blažek, Bengtson 1995: 35).

²³ *du₆*(-*ra₂*) в (Dumuzid-Inanna T: 9, 10, 26, 27, 32, 33).

²⁴ Это слово имеет сино-кавказскую форму **pVmV* ‘earth, grave’.

языках: *ghuar(Н) и hur, hur-ru-um; *lūr, lhup и ub₄ (аккад. *hurru*).

Шумерскому самообозначению saĝ-gig₂-ga ‘черноголовые’ соответствует аналогичное обозначение податного населения у китайцев, тибетцев и тангутов. Однако во всех четырех языках оно маркируется разными лексемами. В качестве антонимов у тангутов выступает слово ‘краснолицые’, эвфемизм для обезьян. Ровно так же у шумеров кочевники, не относящиеся к горожанам и земледельцам, сравниваются с обезьянами (de Lacomperie 1891; Kepping 2003; Hill 2016; Emelianov 2022)²⁵.

Из представленных наблюдений можно сделать следующие выводы. По местоименной парадигме и ряду лексем (не входящих в базисный список Сводеша) шумерский наиболее близко сходится с сино-тибетскими языками (в особенности, с тибето-бирманской их ветвью). Возможно, что шумерский принадлежал к полностью исчезнувшей группе языков, которая контактировала с сино-тибетскими или принадлежала к сино-кавказской макросемье, но при этом в своих странствиях частично пересекалась с какими-то афразийскими племенами. Ни один из языков «шумерской группы» не дожил до письменности, его ближайшие родственники вымерли. Отсюда уникальное положение шумерского в современной лингвистике.

Однако возможно, что решение шумерского вопроса ожидает нас на принципиально ином уровне. Было бы интересно на новом витке развития науки вернуться к одной гипотезе А. С. Хомякова, высказанной им в трактате «Семирамида». Здесь он разделил все человечество на пять общностей, каждая из которых обозначена цветом: белых (индогерманцы и семиты), черных (африканцев), желтых (финны и тибетяне), красных (индейцы) и оливковых (полинезийцы и австралийцы). Интересно именно это объединение финно-угров с алтайскими и сино-тибетскими народами. Хомяков пишет: «Полное описание индогерманских народов обнимает большую часть Кавказа и цепь Арарата, почти всю Персию, Индию по обе стороны Гангеса и западные долины Гиммалай, Инду-Куга и Памира, где они составляют большую часть народонаселения под именем кяфиров, таджиков и сартов, — но тут их крайние

²⁵ Также примечательно, что у тибетцев есть представления о семи небесах и семи воротах мира мертвых.

пределы. Далее на восток, северо-восток и север мы находим жилища желтого племени, разделенного на две могучие ветви. Одна из них под именем финнов и чуди, расселяясь по течению северных рек и морей, бросила случайно смелую колонию венгров к славянскому Дунаю и проникла до берегов Балтики, и до оконечности Европы к Норд-Капу, и до устья Енисея и Лены; она же, перебираясь по цепи островов от Азиатского материка в Америку, докочевала под именем эскимосов до холодных тундр Гренландии, за которыми уже кончается жизнь органическая и мертвый лед покрывает бесконечность полярных морей. Чудь в племени желтом представляет некоторое сходство с семитическою ветвию племени белого. Она также была в старину грозна оружием и славна богатством и также упала, сохранив только огромность пустынных жилищ, любовь к свободе и кочевую жизнь. Другая ветвь желтого племени, которое не имеет общего названия (но которое можно соединить под фирму тибетян), расселилась под разными именами — японцев, китайцев, монголов, турок и проч. по всей Средней Азии, по роскошным берегам рек, текущих от Гиммалая к Восточному океану, и по великолепным островам его. Тут образовала она колоссальные державы, богатые всем, кроме истинного просвещения, а между тем ее смелые колонии, разрывая сеть народов индогерманских и семитических, смешались с индийскими племенами за Гангесом, заняли Каспий, ворвались в гористую Персию, где они до сих пор живут под разными названиями: туркменцев, брагуйцев и других; покрыли низовья Волги и Дона, втеснились в ущелья Кавказа, сделались почти единственными жителями Малой Азии и основали одну из сильнейших империй мира в землях, разделяющих славян от эллинов, на прекрасных берегах Архипелага и Мраморного моря. Было время, когда сила желтого племени грозила не только первенству, но даже свободе и существованию европейцев» (Номjakov 2024: 20–21). Хомяков также обращает внимание на особые типы религиозности, свойственные для выделенных им общностей: «Многобожие (политеизм), единобожие (монотеизм) и всебожие (пантеизм) заключают в себе все виды верования. В них содержится и дуализм, который есть или скрытый монотеизм (как у древних персов), или политеизм (как у некоторых гностиков) и нигилизм, в котором не видим ничего кроме измененного пантеизма. Считаая монотеистами христиан,

евреев, магометан и гвевров; пантеистами — почти всех жителей огромного Китая, Тибета, Японии, Загангесской Индии, Цейлона; наконец, политеистами — все прочие народы, у которых находим поклонение многим богам или одному богу родовому или местному, не исключающему возможности других, — мы найдем, что все три вида веры почти равны между собою числом своих последователей, но что некоторое первенство принадлежит пантеизму. Придет время, когда человечество, мужая разумом и образованностию, признаёт одни начала высшей истины, — но теперь мы видим, что формы религии до некоторой степени соответствуют разделению племен. Христианство озаряет только народы индогерманские и весьма слабо проникло в отрасль семитическую. Распространение его в племенах черном, оливковом, красном и желтом так незначительно, что об нем еще нечего упоминать. Магометанство принадлежит единственно народам происхождения семитического и турецкого. Индогерманцы мало к нему обращались и более повиновались насилию, чем внутреннему влечению. Пантеизм есть неоспоримая собственность племени желтого; наконец, многобожие доходит в черных народах Африки до самой крайней нелепости» (Homjakov 2024: 25). Что же считает Хомяков основным культом пантеистического желтого племени? Культ Неба (китайского Тианг), которое представляется единственным предметом обожания (Homjakov 2024: 156).

Иногда необходимо возвращаться к началу. Интуиции 1850-х годов, породившие некогда и продолжающие порождать сравнения шумеров то с тюрками, то с финно-уграми²⁶, то с

²⁶ В этой связи интерес представляют работы специалистов по сравнительной мифологии. Так, в недавней статье Ю. Е. Березкина была предложена классификация зафиксированных в XIX–XX вв. повествовательных эпизодов, сходных с эпизодом встречи Лугальбанды и птицы Анзу. Прослежено распространение двух основных вариантов. Согласно первому, человек убивает змею, собиравшуюся сожрать птенцов могучей птицы, а благодарная птица ему помогает. Этот вариант, в Старом Свете известный от Алжира до Индии и от Маньчжурии до Карпато-Балкан, имеет параллели в Америке. Во втором варианте змея не фигурирует, а человек заботится о птенцах — кормит, укрывает от непогоды и т.п. Именно этот вариант зафиксирован у шумеров. В поздних текстах он редок на юге (от Магриба до Индии), зато господствует у восточных славян, прибалтийских

сино-тибетцами, должны в наше время обрасти необходимыми лингвистическими и историко-культурными наблюдениями, которые позволят сдвинуть шумерский вопрос с той мертвой точки, на которой он стоит со времен диссертации Вайсбаха.

Список сокращений

СПб АРАН: Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук
Царский список URL: <https://etcsl.orinst.ox.ac.uk/cgi-bin/etcsl.cgi?text=c.2.1.1>
CAD: Chicago Assyrian Dictionary. 1956–2010.
Starling URL: <https://starlingdb.org/cgi-bin/query.cgi?basename=%5Cdata%5Cintib%5Cstibet&root>

Литература

- Bengtson, J. D. 1990: Notes on the Sino-Caucasian Affiliation of Sumerian. *Proto-Languages and Proto-Cultures*. (V. Shevoroshkin (ed.)). Bochum. 56–59.
- Berezkin, Ju. E. 2023: [The Sumerian Poem about Lugalbanda and Parallels to One of Its Episodes]. *Этнографическое обозрение*. 6. 211–227.
- Березкин, Ю. Е. 2023: Шумерская поэма о Лугальбанде и параллели к одному из ее эпизодов. *Этнографическое обозрение*. 6. 211–227.
- Blažek, V., Bengtson, J. D. 1995: Lexica Dene-Caucasica. *Central Asiatic Journal*. Vol. 39, No. 1. 11–50.
- Braun, J. 1971: Stosunki etniczne starożytnej Mezopotamii. «*Mezopotamia*», ed. J. Braun. Warszawa. 46–49.
- Braun, J. 2001: *Sumerian and Tibeto-Burman*. Warszawa.
- Cerqueglini, L. 2023: West Semitic Lexicon in Sumerian. *Bulletin de l'Académie Belge pour l'Étude des Langues Anciennes et Orientales*. 12. 1–10.
- Christian, V. 1932: *Die sprachliche Stellung des Sumerischen*. Paris, P. Geuthner.
- Christian, V. 1961: *Die Herkunft der Sumerer*. Wien.
- Civil, M. 2007: Early Semitic Loanwords in Sumerian. *Studies Presented to Robert D. Biggs*. (M. Roth, W. Farber, M. Stolper, P. von Bechtolsheim (eds.)). Chicago. 11–34.
- de Lacouperie, T. 1891: The black heads of Babylonia and Ancient China. *The Babylonian and Oriental Record* 5.11: 233–246.

финнов и, видимо, балтов. Единичные сибирские фиксации локализованы от северных ханты до азиатских эскимосов. Учитывая американские аналогии, первый вариант оценивается автором статьи как более ранний (Berezkin 2023: 211).

- D'jakonov, I. M. 1963: [Ethnic and social factors in the history of the ancient world (using Sumer as an example)]. *Vestnik drevnej istorii*. 2. 167–179.
Дьяконов, И. М. 1963: Этнический и социальный факторы в истории древнего мира (на примере Шумера). *Вестник древней истории*. 2. 167–179.
- D'jakonov, I. M. 1996: [The Sumerians and Afro-Asians through the eyes of a historian]. *Vestnik drevnej istorii*. 4. 81–89.
Дьяконов, И. М. 1996: Шумеры и афразийцы глазами историка. *Вестник древней истории*. 4. 81–89.
- Diakonoff, I. M. 1997: External Connections of the Sumerian Language. *Mother Tongue. Journal of the Association for the Study of Language in Prehistory*. 3. 54–62.
- Dybo. A. V. 2007: *Lingvističeskie kontakty rannih tjurkov. Leksicheskiy fond. Pratiurkskiy period*. М.
Дыбо. А. В. 2007: Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд. Пратюркский период. М.
- Emelianov, V. V. 2014: Akkadian Loanwords in Sumerian Revised. *Acta Linguistica Petropolitana*. X/1. 483–514.
- Emelianov, V. V. 2022: What Could Be an Opposition to the Sumerian Self-Designation «The Black-headed»? *XVth Annual International Conference on Comparative Mythology. Sacred Ground: Place and Space. Program and Abstracts. June 7–11, 2022*. Serbian Academy of Sciences & Arts. Belgrade. 26–28.
- Emelianov, V. V. 2024: Sumerian Abu and Shamanic Obo (A Comparative Analysis of Summer Festivals). *XVIIIth Annual International Conference on Comparative Mythology. The Origins of Mythology. In Honor of Michael Witzel on the Occasion of His 80th Birthday. Program and Abstracts*. Kokugakuin University, August 27–30. Tokyo. 21–24.
- Emel'janov, V. V. 2006: [Step-by-step reconstruction of Sumerian etymology (Sumerian integrated thesaurus)]. *Indoevropskoe jazykoznanie i klassičeskaja filologija-X. Materialy čtenij, posvjashhennyh pamjati professora I. M. Tronskogo. 19–21 ijunja 2006 g.* SPb.: ILI RAN. 78–84.
Емельянов, В. В. 2006: Поэтапная реконструкция шумерской этимологии (шумерский интегрированный тезаурус). *Индоевропейское языкознание и классическая филология-X. Материалы чтений, посвященных памяти профессора И. М. Тронского. 19–21 июня 2006 г.* СПб.: ИЛИ РАН. 78–84.
- Emel'janov, V. V. 2019: *Vol'demar Kazimirovich Shilejko. Nauchnaja biografija*. [Voldemar Kazimirovich Shileiko. Academic biography]. SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie.
Емельянов, В. В. 2019: *Вольдемар Казимирович Шилейко. Научная биография*. СПб.: Петербургское востоковедение.

- Englund, R. K. 1998: Texts from the Late Uruk Period. Bauer J., Englund R. K., Krebernig M. *Mesopotamien. Späturuk-Zeit und Frühdynastische Zeit*. Annäherungen 1. Hrsg. von P. Attinger, M. Watler. Freiburg (Schweiz); Göttingen. 15–233.
- Frankfort, H. 1932: The Earliest Appearance of the Sumerians. *Actes du XVIIIe Congrès International des Orientalistes*. Leiden. 62–63.
- Gavrilova, Ju. B. 2024: [The “Oval Plate” Among the Inscriptions of the First Dynasty of Lagash: General and Specific]. *Peterburgskoe vostokovedenie: al'manah: Festschrift v chest' I. A. Alimova*. SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie. 136–160.
- Гаврилова, Ю. Б. 2024: «Овальная пластинка» среди надписей I династии Лагаша: общее и особенное. *Петербургское востоковедение: альманах: Festschrift в честь И. А. Алимова*. СПб.: Петербургское востоковедение. 136–160.
- Gelb, I. J. 1960: Sumerians and Akkadians in Their Ethnolinguistic Relationship. «Genava». 8. 258–271.
- Georg S. 2001: Türkisch/Mongolisch tengri ‘Himmel, Gott’ und seine Herkunft // *Studia Etymologica Cracoviensia*. 6. 2001. 83–100.
- Hill, N. W. 2016: ‘Come as lord of the black-headed’ — an Old Tibetan mythic formula. *Zentralasiatische Studien*. 45. 203–216.
- Homjakov, A. S. 2024: *Homjakov Aleksej Stepanovich. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 12 t. T. V: Semiramida. Kn. I: I<ssledovanija> i<stiny> i<storicheskikh> i<dej>*. [Khomyakov Aleksey Stepanovich. Complete Works and Letters: In 12 Volumes. Volume V: Semiramis. Book 1: I<ssledovaniya> is<tiny> i<historical> i<deas>]. SPb.: ООО «Poligraf».
- Хомяков, А. С. 2024: *Хомяков Алексей Степанович. Полное собрание сочинений и писем: В 12 т. Т. V: Семирамида. Кн. I: Исследования и<стины> и<сторических> и<дей>*. СПб.: ООО «Полиграф».
- Jacobsen, T. 1939: Assumed Conflict Between Sumerians and Semites in Early Mesopotamian History. *Journal of American Oriental Society*. New York, 1939. Vol. 59. No. 4. 485–495.
- Jäschke, H. 1881: *A Tibetan-English Dictionary*. Delhi.
- Kassian, A. S. 2014: Lexical Matches between Sumerian and Hurro-Urartian: Possible Historical Scenarios. *Cuneiform Digital Library Journal*. 4. 1–23.
- Kepping, K. 2003: The black-headed and the red-faced in Tangut indigenous texts. *Studia Orientalia*. 95. 275–298.
- King L. W. 1910: *A History of Sumer and Akkad*. London.
- Knüppel, M. 2006: Zur ungarischen Rezeption der sumerisch-turanischen Hypothese in der zweiten Hälfte des 20. Jahrhunderts. *Zeitschrift für Balkanologie*. Bd. 42, Hft. ½. 93–107.
- Kovalev, A. A., Militarev, A. Ju. 1993: [The Sumerians and the Semites: A Meeting of Equal Cultures]. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istorija i sovremennost'*. 5. 22–33.

- Ковалев, А. А., Милитарев, А. Ю. 1993: Шумеры и семиты: встреча равновеликих культур. *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 5. 22–33.
- Kozyreva, N. V. 2004: [Sumer and Akkad: Two Models of Archaic Societies]. *Assiriologija i egiptologija*. SPb.: Skifija. 11–48.
- Козырева, Н. В. 2004: Шумер и Аккад — две модели архаических обществ. *Ассириология и египтология*. СПб.: Скифия. 11–48.
- Kramer, S. N. 1956: *History Begins at Sumer*. Philadelphia.
- Kramer, S. N. 1963: *The Sumerians. Their History, Culture, and Character*. Chicago, Chicago University Press.
- Krebernik, M., Lisman, J. J. W. 2020: *The Sumerian Zame Hymns from Tell Abū Ṣalābiḥ. With an Appendix on the Early Dynastic Colophons*. Münster, Zaphon.
- Landsberger, B. 1926: Die Eigenbegrifflichkeit der babylonischen Welt. *Islamica*. 2. 355–72.
- Lieberman, S. 1977: *Sumerian Loanwords in Old Babylonian Akkadian*. Missoula.
- Marsal, E. 2014: The beginnings of Sumerology (I) From Early Sketches to a First Complete Grammar. *Aula Orientalis*. 32/2. 283–297.
- Marsal, E. 2015: The beginnings of Sumerology (II). From Delitzsch's grammar to Adam Falkenstein *Aula Orientalis*. 33/2. 255–269.
- Militarev, A. Ju. 1995: [The Sumerians and the Afrasians]. *Vestnik drevnej istorii*. 2. 113–127.
- Милитарев, А. Ю. 1995: Шумеры и афразийцы. *Вестник древней истории*. 2. 113–127.
- Müller, M. 1979: Die Keilschriftwissenschaften an der Leipziger Universität bis zur Vertreibung Landsbergers im Jahre 1935. *Wiss. Z. Karl-Marx-Universität Leipzig, Gesellschaftswiss. — Sprachwiss.* Reihe 28(1). 67–86.
- [Nikol'skij, M. V.] 1884: *Sumerijskij gimn bogu Ognja IV tysjacheletija do R. H. s transkripciej, perevodom i podrobnym ob#jasneniem, s prilozheniem vvedenija i primechanij. Avtograficheskoe izdanie M. Nikol'skogo, prepodavatelja evrejskogo jazyka v Imperatorskom Moskovskom universitete*. [The Sumerian Hymn to the God of Fire from the 4th Millennium B.C. with Transcription, Translation, and Detailed Explanation, with an Introduction and Notes. Autographed Edition by M. Nikol'skij, Lecturer of Hebrew at the Imperial Moscow University]. Moscow.
- [Никольский, М. В.] 1884: *Сумерийский гимн богу Огня IV тысячелетия до Р. Х. с транскрипцией, переводом и подробным объяснением, с приложением введения и примечаний. Автографическое издание М. Никольского, преподавателя еврейского языка в Императорском Московском университете*. М.
- Pecha, L. The Early Dynastic (Sumerian, Southern) and Sargonic (Akkadian, Northern) Models of Royal Power. Béranger M., Nebiolo F., Ziegler N. (eds.). *Dieux, rois et capitales dans le*

- Proche-Orient ancien. Compte rendu de la LXVe Rencontre Assyriologique Internationale (Paris, 8–12 juillet 2019), Publications de l'Institut du Proche-Orient Ancien du Collège de France*, 5. Leuven-Paris-Bristol, Peeters, 2023. 797–810
- Pope, M. H. 1955: *El in the Ugaritic Texts*, Leiden: Brill.
- Sallaberger, W. 2007: Benno Landsbergers 'Eigenbegrifflichkeit' in wissenschaftsgeschichtlicher Perspektive. *Das geistige Erfassen der Welt im Alten Orient*. Edited by C. Wilcke. Wiesbaden: Harrassowitz. 63–82.
- Shilejko, V. K. 1912: Babylonia. *Novyj jenciklopedicheskij slovar'*: F. A. Brokgauz i I. A. Efron. SPb., 1912. T. IX. 186–217.
- Шилейко, В. К. 1912: Вавилония. *Новый энциклопедический словарь*: Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. СПб., 1912. Т. IX. 186–217.
- Shilejko, V. K. 1915: *Votivnye nadpisi shumerijskih pravitelej. Klinopisnye teksty pamjatnikov Juzhnoj Mesopotamii sobranija N. P. Lihacheva*. [Votive Inscriptions of the Sumerian Rulers. Cuneiform Texts from Monuments of Southern Mesopotamia, Collection of N. P. Likhachev]. Pg.
- Шилейко, В. К. 1915: *Вотивные надписи шумерийских правителей. Клинописные тексты памятников Южной Месопотамии собрания Н. П. Лихачева*. Пг.
- Soltysiak, A. 2004: Physical anthropology and the «Sumerian problem». *Studies in Historical Anthropology*. 4, 145–158.
- Starostin, S. A., Dybo, A. V., Mudrak, O. A. 2003: *An Etymological Dictionary of Altaic Languages*, vol. I–III. Leiden: Brill.
- Steinkeller, P. 1993: Early Political Development in Mesopotamia and the Origin of Sargonic Empire. *Akkad. The First World Empire: Structure, Ideology, Traditions*. Ed. M. Liverani. History of the Ancient Near East. Studies 5. Padua, 1993, 107–130.
- Steinkeller, P. 2013: Steinkeller P. How Did Shulgi and Išbi-Erra Ascend to Heaven? *Literature as Politics, Politics as Literature: Essays on the Ancient Near East in Honor of Peter Machinist*. D. S. Vanderhooft, A. Winitzer (eds). Winona Lake, Eisenbrauns, 459–479.
- Turaev, B. A. 1894: [Studies in Egyptology and Assyriology in Berlin]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshhenija*. № 294 (ijul')– 12–25.
- Тураев, Б. А. 1894: Занятия египтологией и ассириологией в Берлине. *Журнал Министерства народного просвещения*. № 294 (июль), 12–25.
- Turaev, B. A. 1901: [On Two Cuneiform Tablets in the Museum of the Church Archaeological Society at the Kyiv Theological Academy]. *Zapiski Vostochnogo otdelenija (Imperatorского) Russkogo arheologicheskogo obshhestva*. № 13. 008–015.
- Тураев, Б. А. 1901: О двух клинописных табличках музея церковно-археологического общества при Киевской Духовной академии. *Записки Восточного отделения (Императорского) Русского археологического общества*. № 13. 008–015.

- Turaev, B. A. 1915: *Uchenye zaslugi Mihaila Vasil'evicha Nikol'skogo*. [Scholarly Achievements of Mikhail Vasil'evich Nikol'skii]. М. Тураев, Б. А. 1915: *Ученые заслуги Михаила Васильевича Никольского*. М.
- Vasil'kov, Ja. V., Gurov, N. V. 1995: [The Country of Aratta According to Ancient Written Sources]. *Vestnik Vostochnogo instituta*. Vol. 1, № 1. 12–66.
Васильков, Я. В., Гуров, Н. В. 1995: Страна Аратта по древним письменным источникам. *Вестник Восточного института*. Т. 1, № 1. 12–66.
- Weissbach, F. H. 1898: *Die Sumerische Frage*. Leipzig, J.C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1898.
- Whittaker, G. 1998: Traces of an Early Indo-European Language in Southern Mesopotamia. *Göttinger Beiträge zur Sprachwissenschaft*. 1. 111–147.
- Wiedemann, F. 2010: Völkerwellen und Kulturbringer Herkunfts- und Wanderungsnarrative in historischarchäologischen Interpretationen des Vorderen Orients um 1900*. *Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift*, Jahrgang 51, 1/2. 105–128.